

ROMAN SZUBIN

**„Чаемое будущее” и „идти вперед” –
категория будущего в научном творчестве
Михаила Михайловича Бахтина**

**“Desired future” and “going forward” –
the category of the future in the scientific works
of Mikhail Mikhailovich Bakhtin**

Abstract. In the article the scientific works of Mikhail Bakhtin are considered as one text with its own single metaplot. The motive of moving forward (“going forward”) is analyzed and treated as the basis of Bakhtin’s progressive outlook, his hopes for the future and for the dialogue in the Great Time. Attention is drawn to a specific period of the Russian thinker’s intellectual life, that is associated with the departure from the ideas of solipsism. The concept of “I – others” is considered a turning point and is compared with the Copernican revolution, which is carried out in the philosophical worldview of a Russian scientist and then transferred to the studies of the works of Fyodor Dostoevsky. It reveals, in particular, the philosopher’s gradual departure from individual reality and his approach towards personalism. The future for Bakhtin is a creative, active category that determines the present. At the same time it is noted that the forward movement as expressed by the Russian thinker is ambivalent and associated with the turn to the past and the source. Along the way the concepts of memory, the curvature of progress, the idea of historical inversion, etc. are also studied. Besides, Bakhtin’s criticism of the Enlightenment idea of progress, Western rationalism and humanism are mentioned. In this regard Bakhtin’s concept of the rebirth acquires great importance, in which, under the influence of movement towards the future, the past is updated.

Keywords: Mikhail Bakhtin, solipsism, future, progress, memory

Roman Szubin, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, szubin@amu.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7603-5336>

Вступление. „Чаемое будущее”

Надежда в какой-то мере связана с будущим, приближая его к нам, делая его желанным, ожидаемым. В церковнославянском переводе Символа веры о надежде говорится, по всей вероятности, в 11 и 12 членах: „Чаю воскре-

сения мертвых и жизни будущего века” (*Simvol very*, электронный ресурс). А во всех опубликованных ныне произведениях Михаила Михайловича Бахтина архаизм „чаемый” встречается единожды: „чаемое будущее” в работе *Формы времени и хронотопа в романе* (Bahtin 3: 402)¹. Эта скрытая отсылка на сакральный текст в эпоху воинственного атеизма – работа датируется тридцатыми годами XX века – конечно, стилистически значима, однако имеет и смысловой потенциал, который мы постараемся раскрыть.

Почему „будущее” для Бахтина чаемое, какое будущее? Какое отношение имеет будущее к концепциям научного наследия Бахтина? Эти вопросы относительно категории будущего и стали предметом изучения в данной статье.

Кластеры. „Идти вперед”

Действительно, вспоминая даже самые яркие концепции, можно с уверенностью констатировать, что будущее – фундаментальная категория в философских исканиях Бахтина. Оно выражается своеобразно, в том числе в метафорах, фразеологии и коллокациях, ставших частью Бахтинского научного тезауруса. Одно из таких – „идти вперед”, „двигаться вперед”. Количественный анализ показывает, что эти выражения нечасто появляются в текстах, особенно в сопоставлении со словами *будущее*, *грядущее*, а именно: от 8% до 10%, но их появление стабильно и равномерно распределяется по всему объему текстов.

Более разнообразно выглядит презентация контекстов, связанных со словом „вперед”. Выделим крупные кластеры.

- (1) *Вперед* движется жизнь. Это связано с ощущением *жизни и настоящего* как целого, но незавершенного, открытого процесса становления, жизнь проявляется в свойствах текучести, движения, направленности (*вперед*).
- (2) *Вперед* обозначает открытое, незавершенное будущее, „смысловое абсолютное будущее” (Bahtin 1: 193), в перспективе которого происходит главное „событие бытия” и осуществляется нравственный поступок человека. Будущему принадлежит сфера целеполагания: „[...] не-бытие-еще, предметная, целевая заданность; его истоки впереди, но не позади, не в том, что есть, а в том, чего еще нет” (Bahtin 1: 208). Более того, именно будущему (выявленному через

¹ Здесь и далее – в целях создания представления о хронологии произведений Бахтина в семитомном московском издании, состоящем из 6-и томов и вышедшем в свет в разное время с 1997 по 2012 г., указываем не год выхода тома, а номер тома арабской цифрой, как это указано в самом томе: 1, 2, 3, 4 (I), 4 (II), 5, 6.

слово *вперед*) приписывается активная функция, будущее влияет на настоящее и способно изменить прошлое: „[...] свет будущего разлагает устойчивость и самоценность плоти прошедшего и настоящего” (Bahtin 1: 202).

- (3) *Вперед* обозначает активность человека, его несовпадение с самим собой, показывает направление выхода „меня” из „моей” наличности. Несовпадение с самим собой также фундаментальный мотив философии Бахтина. Не совпадая с самим собой, человек оставляет свою *личность* и выходит в сферу *подлинности*, обозначенной через направление вперед. В сознании Бахтина человек не может выйти из себя назад или в сторону, а непременно вперед; человек направляет „свою активность всю вперед себя” (Bahtin 1: 204), „я иду вперед себя” (Bahtin 1: 165). *Вперед*, т. е. в будущее, перемещается „центр тяжести самоопределения” личности, фундаментальное для данного периода понятие „я” опирается на „себя предстоящего”: „И чего бы я ни достиг в будущем, пусть всего раньше предвосхищаемого, центр тяжести самоопределения все же будет опять передвигаться вперед, в будущее, опираться я буду на себя предстоящего” (Bahtin 1: 197).
- (4) *Идти вперед* – значит „войти в горизонталь истории”. Приближение к будущему связано с освобождением *незавершенного настоящего* от вертикальных форм метафизики, средневековой культуры, ориентированной на отношения земля – небо, и с выходом в „горизонталь времени”. Настоящее наполняется ветром истории, становится историчным. Весь третий том московского собрания сочинений состоит из работ, посвященных становлению романа, а становление рассматривается как „непрерывное движение в реальное будущее” (Bahtin 3: 633).
- (5) *Идти вперед* – значит из культурного человека стать „историческим человеком”, а культурный процесс становится историческим, прогрессирующим. Вперед идет время, оно становится *прогрессирующей историей*. Прогрессивность истории опять-таки обеспечивается будущим. В устремлении вперед, в будущее, каждое новое поколение не повторяет себя, а растет.
- (6) *Идти вперед* – значит двигаться в *Большое время*. В поздний период творчества и переосмысления предыдущих концепций, Бахтин говорит о „большом времени”, где встречается прошлое и настоящее: „Я считаю, что у Достоевского будущее впереди” (Bahtin 6, 464). Категория будущего, „памяти будущего” как чистого направления развития заменяется категорией большого времени, „бесконечным и незавершимым диалогом, в котором ни один смысл не умирает” (Bahtin 6: 433).

Анализ кластеров показывает, что (1) *будущее* – всегда остается действенной и фундаментальной категорией философии Бахтина. (2) Семантическое наполнение категории будущего связано с крупными этапами развития исследовательской мысли Бахтина, в той или иной мере совпадающими с произведениями, сгруппированными в московском собрании сочинений 1997–2012 гг. (3) На фоне данного хронологического распределения кластеров выделяется существенный момент, определяющий коренной перелом в самосознании русского мыслителя, зафиксированный в первой редакции книги о Федоре Достоевском *Проблемы творчества Достоевского* (Ленинград, Прибой, 1929).

Коперниканский переворот Бахтина

По слову самого Бахтина, этот перелом можно назвать „коперниканским переворотом”. Сам Бахтин этим понятием ссылается на Иммануила Канта, описавшего и оценившего свой вклад в философию как коперниканский переворот. Бахтин же таким оборотом описывает фундаментальное изменение, произошедшее в творчестве Достоевского: „Достоевский произвел как бы в маленьком масштабе коперниканский переворот, сделав моментом самоопределения героя то, что было твердым и завершающим авторским определением” (Bahtin 2: 45).

Сергей Бочаров в статье *Бахтин – филолог: книга о Достоевском* одним из первых применил это понятие к оценке творчества Бахтина: „В книге 1929 г. он описал коперниканский переворот (по Канту), какой в мире Гоголя совершил Достоевский. Но и сам автор книги совершил свой коперниканский переворот в понимании Достоевского Вячеславом Ивановым” (Bocharov 465).

Анализируя суть переворота Достоевского, Бочаров остается максимально близким Бахтину, действует в рамках словаря и интерпретации Бахтина, как раннего, так и позднего. Вводя автора в „кругозор героя”, Достоевский в понимании Бахтина, наделяет его дополнительной рефлексией о себе как субъекте действия, который является „моментом самоопределения героя” (Bahtin 2: 45). В статье *Холод, стыд и свобода. История литературы sub specie Священной истории* Бочаров, показывает, какую роль играет в этой рефлексии зеркало, в которое смотрится „первый герой Достоевского, Адам его нового мира” (Bocharov 212).

Но если Достоевский наделил своего героя самосознанием, то чем же наделил Бахтина Сергей Бочаров? Пытаясь обойти „лежащий камень полифонии”, центральной бахтинской концепции, Бочаров нащупывает собствен-

ную формулу: „Достоевского в Достоевском” (Воѡаров 467) искал и нашел Бахтин:

Человек в человеке – „внутренний человек”, центр бахтинских анализов, всюду имеющий направление к проникновению внутрь, по пути снимая внешние пласты, в том числе нанесенные толмачами-философами (Воѡаров 468).

Иначе рассматривает эту проблему русский герменевт Вардан Айрапетян. Он как раз попытался приподнять неподъемный камень бахтинской полифонии и сосредоточился на отношениях системы „я – другие”. Во фрагменте в321 *Другие* своего труда *Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски* он пишет:

‘Другие’ (люди), ‘другой’ – это эгоцентрическое слово похоже на геоцентрические ‘восход’ и ‘заход’. А Бахтин сделался Коперником системы „я” – другие и так открыл первичное „чужое слово” [...] Бахтин и сам преодолел солипсизм („Достоевский преодолел солипсизм” [...]), ребяческую эгоцентричность (Aĵaretġn 211).

Обратим внимание на то, что, по мнению исследователя, Бахтин создавал свою полифоническую концепцию при помощи инструментария, принадлежащего заведомо противоположной системе – монологической, эгоцентрической. Слово ‘другой’, а также все эти псевдокантианские понятия „я-для-себя”, „другой-для-меня” и „я-для-другого”, действительно являются эгоцентричными, в них ‘я’ выделяется как центр притяжения, а ‘другой’ есть проекция ‘я’, но не собственно ‘ты’. То же самое можно сказать о „чужом слове”, имеющем пейоративные коннотации. Возможно, поэтому полифоническая система стала (вспомним Бочарова) лежачим камнем, под который не течет живая вода мысли.

По мнению Айрапетяна, переломный момент привел Бахтина к пониманию фундаментальной роли Другого, к перестройке сознания, ориентированного на чужое слово. Айрапетян связывает коперниканский переворот с преодоленной птолемеевой, эгоцентрической (звучит как геоцентрическая) системой взглядов Бахтина, выражением которой является „этический солипсизм”. Это понятие также восходит к Бахтину. В редакции 1963 года, в *Проблемах поэтики Достоевского*, Бахтин выразится более определенно: „Достоевский преодолел солипсизм” (Baĥtin 6: 114), полагая, что Достоевский преодолел „отъединенное «идеалистическое» сознание” (Baĥtin 2: 16); „солипсическую отъединенность сознания героя, его замкнутость в своем собственном мире” (Baĥtin 2: 16); „одинокость человека в мире” (Baĥtin 2: 353).

Однако вместе с тем Айрапетян вскрывает еще один слой в творчестве Бахтина. Если Бахтин невольно связал диалог, диалогическое сознание, доминанту *чужого* слова с гелиоцентрической, коперниканской системой, а монолог – со *своим* словом, то современный исследователь, углубляя такое понимание, связывает с геоцентрической системой эгоцентризм вообще, давая понять, что коперниканский переворот выражается в „отказе от эгоцентричности”, в „возврате „я” в других” (Ajrapetân д4254).

В свете этического солипсизма

Последние замечания показывают, что имеет смысл рассматривать ранние концепции Бахтина в свете до-коперниканского переворота. И действительно, такие категории художественной эстетики, как необратимость системы „я – другие”, „внеаходимость я”, „участное сознание” – все то, что составляет содержание работ *К философии поступка* и *Автор и герой в эстетической деятельности*, предполагают зачарованность модусом „неповторимой и единственной” личности, а также „событием бытия”, выражающимся в форме „этического солипсизма”. При этом этический солипсизм у раннего Бахтина это положительное, конструктивное понятие:

Интуитивно убедителен, во всяком случае понятен, может быть солипсизм, помещающий весь мир в мое сознание, но совершенно интуитивно непонятным было бы помещать весь мир и меня самого в сознание другого человека, который столь очевидно является лишь ничтожной частью большого мира (Bahtin 1: 118).

В частности, он пишет об этическом солипсизме Христа, выражающемся в „бесконечной строгости к самому себе человека, т. е. безукоризненно чистом отношении к себе самому” (Bahtin 1: 133).

В аспекте этического солипсизма, эгоцентричности-геоцентричности как раз рассматриваются первые три кластера о *будущем*. „Идти вперед” предполагает именно личную, субъектную устремленность к цели. Будущее, или вера личности в „абсолютное будущее”, разрушает понятие конца, не позволяет настоящему событию бытия, происходящему здесь и сейчас, завершиться, оформиться, закончиться. Будущее – это категория персонализма, стремиться к ней может только личность, „я”. Вполне возможно, что здесь наиболее ярко проявился прогрессизм Бахтина, но вместе с тем и инфантильность, эгоцентричность мысли, полагающей именно себя центром *внеаходимости* по отношению к *другим*.

Непрогрессивная роль прогресса

Работы, составляющие 3-й том собраний сочинений, отражают последствия коперниканского переворота Бахтина. В этой связи интересным представляется центральное понятие хронотопа и понятие историчности, в разрезе которых рассматривается становление жанра романа. Роман изучается в аспекте разрушения вертикальных, метафизических и неисторических форм сознания и в выходе в „горизонталь времени”, „горизонталь истории”, которые в свою очередь „мощно рвутся вперед” (Bahtin 3: 410) – о чем говорят кластеры 4 и 5.

Предпосылкой к этому опять-таки служит коперниканский переворот и обращение к теме народного творчества – *иному* измерению культуры. Новая установка русского исследователя на будущее получила определение „тела исторического, прогрессирующего человечества” (Bahtin 4 (I): 373; Bahtin 4 (II): 394). В отличие от раннего этапа мыслительства, в зрелый период прогрессирует уже не мысль личности, а родовое, коллективное тело народа. Именно „коллективная трудовая практика” и „коллективная трудовая борьба с природой” определяют „время продуктивного роста [...] максимально устремленное к будущему” (Bahtin 3: 456).

В бахтинском понимании именно коллективное сознание движется к будущему и именно его движение к будущему легитимно, в то время как официальная культура Возрождения и Нового времени, ориентированная на возрождение личности, создает утопические формы, занимается мифотворчеством. Только фольклорный человек, живущий в циклическом времени, идет вперед, он растет „за счет будущего”:

[...] человек рос за счет будущего, становился богатырем по сравнению с современными людьми („богатые – не вы”) наделялся невиданной физической силой, трудоспособностью, героизовалась его борьба с природой, героизовалась его трезвый, реальный ум, героизовались даже его здоровый аппетит и его жажда (Bahtin 3: 402).

Личность же в этот период рассматривается как явление деструктивное, индивидуальность не может быть точкой отсчета прошлого, настоящего или будущего. Тем самым Бахтин старается раскатать и обрушить целую интеллектуальную догму, на которой построено европейское представление о прогрессивности истории. Просветительский прогресс и ощущение историчности в конце XVIII века, по мнению Бахтина, зиждутся на мифотворческих установках, подменах и переоценке прошлого с позиций идеалов современности. Об этом ясно говорит целая глава в работе *Формы времени и хронотопа в романе* – „Проблема исторической инверсии и фольклорного

хронотопа”. Более того, „понимание прогресса просветителями” сводится к „борьбе гуманистического разума против феодально-абсолютистской не-разумности. Это понимание не исторично” (Bahtin 3: 229).

Юность будущего

Но как же совместить цикличность (замкнутый цикл) с понятием прогресса, с движением вперед? В порыве выйти из тупика Бахтин ухватился за новую категорию. Рост как форма движения и устремление вперед подменяет собой откровенно пропагандистский слоган „идти вперед”. К будущему устремлено родовое тело фольклорного человека, коллективное сознание постоянно обновляющегося народа. Здесь очевидным образом вертикаль роста и движение по горизонтали („идти вперед”) – эти две метафоры развития входят в очередную конфронтацию друг с другом.

И рост оказывается более прогрессивным, чем идея прогресса в плоскости исторической горизонтали. Циклическое развитие – рост; такое развитие никогда не совпадает с предыдущим витком. Поколения не повторяют себя, а растут: „Это – не юность животного, просто повторяющего юность предшествовавших поколений, это – юность растущего исторического человека” (Bahtin 4 (I): 424).

Интересно, что таким образом понимаемый прогресс – как рост – ведет к омоложению человечества, а не к его старению. Отметим, что бахтинское видение юного будущего расходится с представлением, сформированным в период *Спора древних и новых*, разгоревшегося с 1687 года в стенах Французской Академии. Как замечает Карен Свасьян, главным аргументом „новых” Френсиса Бэкона и Блеза Паскаля было ощущение того, что они старше античной древности: „[...] мы древнее древних, так как старше их по возрасту [...]” (Svas'ân 225). При таком подходе к прогрессу, когда „последовательность поколений подобна смене возрастов в жизни отдельного человека” (Paskal' 27), прошлое предстает незрелым – периодом детства, прогресс – накоплением знаний и воплощением истины, а будущее – зрелым и старческим (см. Paskal' 27; Bèkon 45–46).

От прямизны разума к кривизне памяти

В поздний период происходит переоценка безоглядного движения вперед. Если не будущее, то форма движения к нему теперь проблематизируется. Так, главный тезис бахтинского прогрессизма „идти вперед” звучит

глуше и полностью поменял контекст на противоположный: „вперед” стало означать уход от начал. „Разная оценка движения вперед: оно мыслится теперь как чистое, бесконечное, беспредельное удаление от начал, как чистый и безвозвратный уход, удаление по прямой линии” (Bahtin 5: 135).

Для Бахтина существенную роль начинает играть память. Если для прогрессивно ориентированного европейца, скажем, для Освальда Шпенглера, память (именно культурная, национальная память) была однозначным шагом назад и воспринималась как регресс по сравнению с европейским взглядом (в шпенглеровской оптике), жаждущим пространств и стремящегося к будущему, то Бахтин пытается вписать память в структуру своего видения будущего.

Роль памяти намного сложнее, чем только возвращение к предыдущему, чем только воспоминание о прошлом:

Память. Не прямая линия, дуга. Кривизна не пространства, а становления, кривизна всякого события, его смысла в отношении времени. Вытянуть в одну прямолинейную линию вперед нельзя без насилия и искажения. Оно идет в двух направлениях: и вперед и назад, как дуги круга оно в обоих направлениях прогрессивно, ведет вперед к концу-началу. Память и провиденье в этом смысле совпадают, поскольку они схватывают кривизну события (Bahtin 4 (I): 751).

В статье *Рабле и Гоголь* Бахтин уже основательно порывает с „примитивным” представлением о „каком-то прямолинейном движении вперед”:

Выясняется, что всякий действительно существенный шаг вперед сопровождается возвратом к началу („изначальность”), точнее, [обновлением] начала. Идти вперед может только память, а не забвение. Память возвращается к началу и обновляет его. – В приложении к языку такое возвращение означает восстановление его действующей, накопленной памяти в ее полном смысловом объеме (Bahtin 4 (II): 518–519).

Прошлое предстает прежде всего как обновленное, не застывшее и мертвое, а постоянно открытое: „Прошлое мира и человечества также бесконечно-конечно, как и его будущее [...]” – написал Бахтин в отрывке о Гюставе Флобере (Бахтин 5: 136).

Возрождение прошлого в будущем

Но как возможно взаимодействие прямизны и кривизны, оглядки в прошлое и движения вперед?

Вардан Айрапетян приводит в этой связи высказывания Николая Бахтина (1894–1950), старшего брата Михаила Михайловича. В статье *Вера и зна-*

ние более определенно говорится о существенной роли памяти как о начале подлинно прогрессивного движения – возрождения:

В духовной истории человечества всё значительное было создано не теми, кто сознавал себя продолжателями наличной традиции или зачинателями новой, но теми, кто умел связать себя с забытой, утерянной традицией прошлого, минуя, отвергая ближайшее (и это „ближайшее” может насчитывать тысячелетия).

„*Всякое подлинное творчество создаёт себя не как начало или продолжение, но как возрождение*” (курсив автора – Р.Ш.) – так может быть сформулирован этот существенный закон. Ритм духовной истории человечества – ритм последовательных возрождений (Bahtin 4 (1): 176).

В работах позднего периода Михаил Бахтин борется с просветительской моделью интерпретации прошлого за счет будущего. Задача состоит в том, чтобы показать, что это будущее (и настоящее) следует интерпретировать за счет прошлого (памяти). Если использовать выражение современного философа Эриха Соловьева, ставшее названием его книги, можно сказать: *прошлое толкует нас*. Для Соловьева буквально „свет из прошлого” освещает настоящее:

И все-таки это *свет из прошлого* (курсив автора – Р. Ш.): благодаря усилию историка оно начинает толковать нашу жизнь. Тот, кого уже нет, выступает тем не менее в качестве живого участника диалога, в качестве исповедника, а иногда и пронизательного психотерапевта, который впервые сталкивает современность с ее собственной горькой правдой (Solov'ev 4–5).

Но Михаил Бахтин так не сказал и, думается, не мог сказать, он не был историком, который, по Василию Ключевскому, обречен на запоздалую догадку заднего ума, обречен на то, чтобы „знать настоящее с тыла, а не с лица” (Ključevskij 358), то есть настоящее в перспективе прошлого. Бахтин хотел видеть настоящее „с лица”, обращенного в будущее, вперед; для него опять-таки свет лился из *будущего*, вспомним метафору „память будущего”, относящуюся к докоперниканскому периоду: „Память есть память будущего для меня; для другого – прошлого” (Bahtin 1: 196). Память для него была смещена в сторону будущего, а не наоборот; это был тот свет, который он мог предвидеть. Даже говоря о прошлом (о культуре времен Рабле, античном и средневековом романе и т. д.), Бахтин соотносит память с *предвидением*, с *прозрением*, с будущим.

„Зримое время”

В движении памяти назад и вперед, очевидно, проявляется „умение видеть время”, при котором явления, связанные с прошлым и составляющие противоречивый момент развития эпохи, „раздвигают зримое время в бу-

дущее” (Bahtin 3: 292). Об этом *про-зреваемом* будущем сказано в работе *К роману воспитания*, в отрывке о Иоганне Вольфганге Гете.

Вот фрагмент из обширной цитаты:

Время прежде всего раскрывается в природе – движение солнца, звезд, пение петухов, чувственно-видимые приметы времен года, все это в неразрывной связи с соответствующими моментами человеческой жизни, быта и деятельности (труда) – циклическое время разной степени напряженности. Рост деревьев, скота, возрасты людей – видимые приметы более длительных периодов (Bahtin 3: 292).

По сути, Бахтин описывает пророческий дар художника. О будущем художник-творец судит по деревьям, растущим в его настоящем, о будущем (более глобально и отдаленно) говорят и социально-экономические противоречия настоящей эпохи. Противоречия, видимо, ключевое слово: „Эти противоречия с необходимостью раздвигают зримое время в будущее. Чем глубже раскрываются они, тем существеннее и шире зримая полнота времени в образах художника-романиста” (Bahtin 3: 292).

Однако Бахтин, скорее всего, имеет в виду не только художника-прорицателя, но исследователя, философа, мыслителя герменевтической складки, пытающегося увидеть себя, свое время в Большом времени, где ожидается „праздник возрождения”: „Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения. Проблема большого времени” (Bahtin 6: 435).

Выводы

Исследование метафорических образований и научной фразеологии, изучение контекстов философского наследия Михаила Михайловича Бахтина создает ясную картину движения, изменения и ключевых понятий в перспективе категории будущего. Будущее, а также прогресс у Бахтина играют ключевую роль, однако способы движения к будущему меняются от периода к периоду. В эволюции философской мысли мы выделяем водораздел, в роли которой выступает так называемый „коперниканский переворот”, связанный с фундаментальным изменением взглядов русского философа. В силу этого докоперниканский период отмечен построением эгоцентрической философской системы с доминантой „я”. В посткоперниканский период доминанта в системе „я – другой” меняется, и на первый план выступают иные понятия: другой, коллективное и родовое тело, исторический человек. Таким образом, меняется способ достижения будущего и философское содержание прогресса: от откровенно пропагандистских слоганов „идти вперед” Бахтин

приходит к понятию роста, прозрения, предвидения будущего, возрождения. Абсолютным возрождением является категория „Большого времени”, только намеченная в поздних записках ученого. При этом становится понятно, что узреть время в будущем – это не только дар художника, но философа, исследователя литературы и культуры.

Библиография

- Ajrapetân, Vardan. *Tolkuâ slovo. Opyt germenевtiki po-russki*. Moskva, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2011.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 1. Moskva, Âzyki slavânskoj kul'tury, 2003.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 2. Moskva, Russkie slovari, 2000.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 3. Moskva, Âzyki slavânskih kul'tur, 2012.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 4 (1). Moskva, Âzyki slavânskih kul'tur, 2008.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 4 (2). Moskva, Âzyki slavânskih kul'tur, 2010.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 5. Moskva, Russkie slovari, 1997.
- Bahtin, Mihail. *Sobranie sočinenij*. T. 6. Moskva, Russkie slovari, Âzyki slavânskih kul'tur, 2002.
- Bahtin, Nikolaj. *Filosofîâ kak živoj opyt. Izbrannye stat'i*. Moskva, Labirint, 2008.
- Bèkon, Frensis. *Sočineniâ v dvuh tomah*. T. 2. Red. Aleksandr Subbotin. Moskva, Mysl', 1978.
- Bočarov, Sergej. *Filologičeskie sùžety*. Moskva, Âzyki slavânskih kul'tur, 2007.
- Klûčevskij, Vasilij. *Sočineniâ*. T. 9. Moskva, Mysl', 1990.
- Paskal', Blez. *Traktaty. Polemičeskie sočineniâ. Pis'ma*. Per. s francuzskogo Oleg Homa, Sergej Dolgov. Kiev, Port-Royal, 1997.
- Simvol very. Web. 14.04.2022. <https://www.pravmir.ru/simvol-very/>.
- Solov'ev, Èrih. *Prošloe tolkuet nas. Očerki po istorii filosofii i kul'tury*. Moskva, Politizdat, 1991.
- Svas'ân, Karen. *Stanovlenie evropejskoj nauki*. Moskva, Evidentis, 2002.